

Тот самый господин Ли Чэнъянь слегка усмехнулся. Именно он незадолго до этого беседовал с Цзян Шэнь. Он ответил:

— Ваша Светлость шутит. У вашего покорного слуги есть некоторый интерес к гостевым дворам Долины Хаожань, а в прошлые годы мне довелось мимолетно познакомиться со Старым хозяином долины Чжао. Раз уж я получил приглашение, то решил прийти и посмотреть на все это веселье. Не думал, что у юного княжича столько забот по службе — его вечно не застанешь на месте, — и при этом он помнит о моем скромном человеке. Это поистине льстит мне.

Каждое его слово было проникнуто смирением и почтением, однако последние два иероглифа — по службе — он выделил с особым нажимом. Во взгляде же сквозило глубокое презрение. Было очевидно, что Сяояо-ван вызывает у него сильное раздражение, однако смелости открыто выразить недовольство у чиновника не было, да и копилось это чувство явно уже давно.

То, сколь сильно император благоволил Сяояо-вану, уходило своими корнями в события многолетней давности.

Тогда наследный принц Цинь Юнжань подвергся коварным махинациям со стороны седьмого принца Цинь Юнъяня и отправился в Государство Бэйкунь в качестве заложника. Годами вынашивая план мести и выжидая удобного момента, он наконец во главе войска ворвался в столицу, казнил тирана Цинь Юнъяня и вновь взошел на императорский престол. Однако его младшая сестра, принцесса Юн Юэ, из-за тоски по брату тяжело заболела и скончалась, несмотря на все старания врачей. Император Шэн тяжело переживал утрату любимой сестры, а когда повстречал юношу, возрастом и лицом удивительно похожего на Юн Юэ, сразу же проникся к нему симпатией. Он пожаловал ему титул вана, даровал личное имя Юйчжэн и почетное звание Сяояо.

Все прекрасно понимали: император Шэн и впрямь относился к Цинь Юйчжэню как к родному младшему брату. И что тут поделаешь?

Чжань Цзинъань вдруг вспомнила, что этот Сяояо-ван пользуется невероятной славой, гремющей на всю столицу. Куда бы он ни присел отдохнуть, его непременно окружали несравненные красавицы, причем за все триста шестьдесят пять дней в году лица их ни разу не повторялись.

Он был из тех людей, кто мастерски умеет наслаждаться жизнью и предавался плотским утехам со всей страстью. При этом сам он являлся писаным красавцем — редкостью среди смертных. Рядом с ним любой невольно блекл и терял долю своего очарования.

Если вспомнить, как он исчез той ночью среди полуночи, не свидание ли с очередной красоткой было тому причиной? Чжань Цзинъань понимала, что строить подобные догадки нехорошо, но совладать с собой не могла. Думая об этом, она невольно бросила еще один взгляд на Цинь Юйчжэня. Лицо у него и вправду было такое, перед которым пали бы ниц бесчисленные красавицы.

Этот взгляд с поличным поймал сам Цинь Юйчжэнь.

Он привык к людям, теряющим рассудок от восторга перед его красотой. Чжань Цзинъань же излучала яркий, сияющий свет, и в ней, несмотря на недавний выход в большой мир, чувствовалась настоящая благородная решимость Цзянху. Это показалось ему донельзя забавным, и в нем разыгрался озорной азарт. Он ответил ей улыбкой — на три доли мягкой, на четыре нежно-томной и еще на три смешанной с ветреной ленью. Эта улыбка была поистине ослепительной и соблазнительной, отчего в голове у Чжань Цзинъань надолго воцарилась абсолютная пустота, не оставляя места ни для каких иных мыслей.

Стоявший рядом Чжоу Фуцинь вместе с четырьмя охранниками с досадным видом отвернулись и мысленно подумали: Ваша Светлость, у вас же совсем нет стыда! Издеваться над юной девушкой вошло у вас в привычку, что ли?

На этом данный инцидент временно подошел к концу. Чжао Етань распорядился, чтобы приглашенные гости официально вошли в долину, а прочим велел разместиться в постоянных дворах неподалеку от Долины Хаожань, пообещав, что чуть позже они также смогут полюбоваться открывшейся Усадьбой Лунный Лавр.

Покинув выставочную зону и ступив за ворота долины, путники оказались словно в ином, великолепном мире.

Горы кольцом окружали долину, облака ласково льнули к вершинам, птицы и бабочки порхали в беззаботной игре, деревья и травы сплетались ветвями, а игра света и тени творила живые узоры. Не было нужды гадать о высоте гор, уставший путник интуитивно чувствовал прохладную живость воды — поистине идеальное убежище, чтобы скрыться от суеты мирского ухода.

Чжань Цзинъань про себя восхитилась тем, как умело Долина Хаожань держится в тени, не выставляя себя напоказ. Занимайся они недвижимостью и строительным бизнесом, баснословные барыши были бы им обеспечены.

Помимо Чжао Юйчжэна, Чжао Етаня, Ли Цзы, Сюэ Фу, сестер из клана Фэн, Ли Чэнъяня, Цзян Шэнь, Чжань Цзинъань, Цинь Юйчжэня и других, в долину вошли и некоторые другие люди. Судя по их внешнему виду и одеянию, среди них были как мастера боевых искусств, так и торговцы, а также самые обычные простолюдины.

Стоит людям собраться вместе, на чем строится все их веселье? Разумеется, на свежих сплетнях. Все вокруг принялись втихомолку обсуждать самые жуткие и загадочные серийные убийства последнего времени в Цзянху. Жертвой одного из них стал управляющий в доме торговца Хо Шу, к другому приложил руку Хэй Е из организации наемных убийц Цзиньесин, а самой недавней жертвой оказался главный управляющий Поместья Цзиньсю Му Чэн.

Мир Цзянху велик, обиды и страсти кипят в нем непрерывно, и смерть человека не была чем-то из ряда вон выходящим. Однако пугало здесь то, что, помимо управляющего из дома Хо Шу, и

Хэй Е из Цзиньесин, и Му Чэн из Поместья Цзиньсю погибли от собственного же оружия. Возле каждого из трупов непременно оставляли ветку Киноварного Османтуса: цветы горели ярко-красным, словно кровь, росли на зависть пышно, а густой аромат османтуса долго не выветривался, напрочь заглушая смрад разлагающейся плоти. Все это походило на какой-то жуткий ритуал. Но больше всего леденило кровь то, что на ветках Киноварного Османтуса красовалось ровно по пятнадцать распустившихся бутонов — ни больше ни меньше.

Так обстояло дело во всех трех случаях.

Дело об убийствах с Киноварным Османтусом явно было главной темой для разговоров в Цзянху в последнее время. Чжань Цзинъань пока ехала сюда, только и слышала, как все вокруг только об этом и судачат. Всех деталей она не знала, но подобное нераскрытое преступление наводило жуткий страх на каждого. Кровавые бури в Цзянху гремели не реже смертельных схваток на полях сражений, однако столь изощренное напускание тумана и нарочитое нагнетание ужаса выглядело не чем иным, как намеренным психологическим давлением на людей.

Среди присутствующих находились и те, кто утешал себя и других, говоря, что Союз Цзянху наверняка не станет сидеть сложа руки и главе союза Чжао потребуются от силы пара часов, чтобы во всем разобраться. Другие же упоминали Общество Трех, заявляя, что столь запутанное дело вполне могло привлечь внимание этой организации, страстно любящей вершить тайное правосудие, и теперь остается лишь ждать, когда преступника поймут с поличным, как черепаху в кувшине.

— Общество Трех? — Чжань Цзинъань опешила. Она никак не ожидала, что секта, на которую люди возлагают столь высокие надежды, может носить столь простое название.

— М? А, Общество Трех... — Цзян Шэнь после входа в долину шла погруженная в собственные мысли и думала невесть о чем, но, услышав вопрос Чжань Цзинъань, с улыбкой пояснила: — Так, мелкая ничем не примечательная секта в Цзянху. Они вечно носятся со стремлением вершить добро и помогать слабым, а держатся исключительно на искренней любви простого народа. Не стоит брать их в голову.

— А вот с этими словами барышни Цзян Шэнь мы никак не можем согласиться! За последние десять лет Общество Трех сосчитать не смогло, сколько раз проявило благородство и скольким людям в Цзянху помогло. Если эта секта и мала, то лишь потому, что ее основатели хотят сохранить тот самый первоначальный круг из трех человек. Иначе братьев, желающих вступить в Общество Трех, набралось бы по меньшей мере несколько тысяч, не так ли?

Окружающие тотчас принялись горячо поддакивать: судя по всему, каждый из них в свое время получил помощь от Общества Трех, и все они испытывали к нему глубочайшее уважение.

— Вы сами-то видели этих троих? — поинтересовалась Чжань Цзинъань.

Люди зашумели и затрясли головами. Имя Общества Трех гремело повсюду, но окутывавшая его таинственность была непроглядной. С одной стороны, раз уж Общество Трех хотело прославиться, почему они упорно отказывались хоть раз показаться людям на глаза? С другой стороны, если они действительно не стремились к известности, зачем оставляли имя Общества Трех каждому, кому помогали? Видимо, у героев и храбрецов, вершащих правосудие, всегда есть свои причуды, ну да и ладно.

Видя, что спутники увлеченно беседуют между собой, Чжао Юйчжэн слегка расслабилась и тихо спросила Чжао Етаня:

— Разве ты минуту назад не был занят другими делами?

И как это он умудрился появиться столь вовремя?

Чжао Етань тепло улыбнулся, но в этой улыбке неожиданно проскользнуло что-то хитрое, лисье. Поддразнивающим тоном он произнес:

— Потому что мне не терпелось увидеть, как наша вторая барышня — такая теплая и при этом дерзкая, этот одаренный от природы глава Союза Цзянху — снова невзначай покорит чье-то чистое и наивное девичье сердечко.

С этими словами его взгляд переместился с Фэн Сяожэнь, украдкой поглядывавшей на Чжао Юйчжэн, на саму Чжань Цзинъань, и улыбка на его лице стала еще шире.

— Етань! Ты! — Чжао Юйчжэн строго глянула на него.

— Сяожэнь! — звонкий, приятный голос прернул их, и вдали показалась девушка в бирюзовом платье, которая махала им рукой и бежала навстречу.

— Цяньцян! — Фэн Сяожэнь тоже замахала в ответ и бросилась навстречу девушке в бирюзовом.

Они выглядели так, будто встретились после долгой разлуки: взявшись за руки, они никак не хотели их размыкать, излучая крайнюю близость.

Цзян Шэнь и Чжань Цзинъань, казалось, уже успели выработать некое взаимопонимание: стоило Чжань Цзинъань лишь чуть податься вбок, как Цзян Шэнь тоже прижалась к ней своей миниатюрной головкой и шепотом произнесла:

— Это Юань Цяньцян из Города Аньлэ, из Секты Цинлэй. Она ровесница Фэн Сяожэнь, они очень дружны.

— Ага, вижу, — улынулась Чжань Цзинъань.

Взгляд у Юань Цяньцян был ясным и открытым, сама она — миловидной и ладной. Подойдя ближе, она шутливо приняла вызывающую позу и с улыбкой произнесла:

— Сяожэнь, мы ведь уже давненько не виделись. Не хочешь ли скрестить мечи?

— Ладно... — В глазах Фэн Сяожэнь мелькнул огонек, и она уже собиралась согласиться, но, бросив взгляд на стоявшую неподалеку Чжао Юйчжэн, перехватила руку Юань Цяньцян и мягко проговорила: — Цяньцян, до смотра Усадьбы Лунный Лавр еще далеко, нам незачем спешить. Давай в другой раз.

Юань Цяньцян тут же всё поняла. Проследив за тем, как Фэн Сяожэнь украдкой зыркает на Чжао Юйчжэн, она протяжно и многозначительно хмыкнула:

— Понимаю, понимаю, раз уж глава союза изволит присутствовать... Мф-м!

Не успела Юань Цяньцян договорить, как Фэн Сяожэнь протянула руку и зажала ей рот, а ее щеки покрылись легким румянцем.

Все вокруг всё поняли без слов, переглянулись с улыбкой и устремили взоры на Чжао Юйчжэн.

Та сохраняла полное спокойствие: при всей холодности ее черт от нее исходило мягкое, солнечное тепло. Она лишь бросила косой взгляд на Чжао Етаня, который давился смехом поодаль.

Чжань Цзинъань невольно подумала, что тайная страсть и восхищение второй барышни с Виллы Дуаньсюэ перед главой Союза Цзянху Чжао Юйчжэн, пожалуй, и вправду стали секретом полишинеля в Цзянху. Очевидно, все уже давно привыкли к этому.

— Ха-ха-ха! Слышал, девчонка Юйчжэн снова задала жару! Как там говорится? Из героев выходят девы? Старик Фан просто обзавидовался! — раздался громкий голос, и к ним быстрой, широкой походкой приблизился заросший щетиной мужчина с черным кистевидным копьём в руке.

— Дядя Фан! — обреченно вздохнула Чжао Юйчжэн.

— Хозяин Виллы Куньлунь, Фан Мэн, — пояснила Цзян Шэнь, в чьих глазах мелькнуло искреннее уважение. — Начальник каравана Фан провел бесчисленное количество грузов, возвышаясь над миром подобно горе. Такие охранные агентства, как Вэйюань, Чжэньтянь, Чантин и Сяомин — все они созданы под крылом Виллы Куньлунь.

— Мм, отец упоминал о нем, — кивнула Чжань Цзинъань.

— Не из героев выходят девы, а «из героев выходят юноши», брат Фан, тебе бы стоило заставить твоего Цзуна побольше почитать книг, — раздался голос мужчины средних лет в одеждах ученого. Он выглядел безупречно во всем, от макушки до пят, и нес в себе эту присущую Цзянху ученую солидность.

— Он хозяин Виллы Миндэ, Чу Тяньсы, — с легкой досадой произвела смотр Цзян Шэнь и протянула: — Редкие книги, древние трактаты, четыре драгоценности ученого — на Виллы Миндэ этого добра всегда в избытке. Как подумаю, так голова кругом идет.

— Тяньсы, брось ты этого сопляка! Как вспомню, так злость берет! — сквозь зубы процедил Фан Мэн с лицом человека, чьи надежды потерпели крах.

Чу Тяньсы удивился:

— Почему же? Разве он не приехал с вами?

— Перед отправлением подвернулся один караванный заказ, так наставник велел Сяоцзуну помочь матушке разобраться с делами, а следом он уже сам догонит.

Этот голос принадлежал стройному молодому человеку. С открытым и благородным лицом, непринужденно опираясь на длинное копьё, он даже в простой позе казался изящным нефритом среди бамбуковой рощи, источая выдающуюся доблесть.

Чжань Цзинъань уже собиралась спросить Цзян Шэнь, кто это такой и неужели он тоже с Виллы Куньлунь — с чего бы ему выглядеть столь ученым... как стоявший рядом Ли Чэньян быстро бросил:

— У Цзюэ, самый любимый ученик Фан Мэна.

Стоит сказать, что из тех сведений, что Цзян Шэнь только что выложила все как на духу, каждый услышал немало интересного.

Фан Мэн тяжело вздохнул:

— Эх, будь мой сорванец хоть наполовину так силен, как девчонка Юйчжэн, я бы столько нервов сберег!

И нельзя было сказать, что старик Фан капризничает без причины: его собственный сын, Фан Цзун, происходил из семьи потомственных мастеров охранных агентств, однако упорно не желал ни сопровождать караваны, ни заниматься боевыми искусствами, а горел лишь

стремлением постигать мудрость мудрецов по священным книгам.

Эта его детская одержимость чтением книг в свое время довела старого Фану до белого каления. Старик Фан бился с этим добрых десятков лет, но так и не смог переломить склонности Фан Цзуна. Сейчас у него почти не осталось сил злиться, и он уже тайком мечтал о том, как бы Фан Цзун взял да и женился на Чжао Юйчжэн... Впрочем, Чжао Юйчжэн была чересчур сильна, так что сошло бы и то, если бы его сынок вошел в семью жены на правах зятя. Но, если подумать, надежды на это оставалось мало.

— Старший начальник каравана, вы из года в год твердите одно и то же. Нельзя же совсем не считаться с мужским достоинством Цзуна! — подала голос стоявшая рядом с Чу Тяньсы красивая женщина. Это была госпожа Чу, в девичестве Ци Сянцзюнь.

Фан Мэн сплюнул на землю и выругался:

— У этого сопляца еще и достоинство есть... — но, заметив, что окружающие многозначительно уставились на него, он смягчил тон и спросил: — И вправду я частенько перегибаю палку?

Все дружно закивали.

Фан Мэн промычал:

— Ого, — задумчиво поскреб подбородок и тихо добавил: — Значит, в следующий раз я не стану его отчитывать, а просто накостыляю.

Окружающие единодушно решили промолчать.

<http://bllate.org/book/19522/1913976>